

Тем не менее, Корнилов не отказывался ещё от прорыва к Екатеринодару. То, что Кубанский отряд здесь же, в Выселках, потерпел поражение, внушал даже некоторый оптимизм. Эта неудача подтверждала сам факт его существования. В слухи же о занятии столицы Кубани большевиками верить не хотелось.

Офицерский полк с Технической ротой и 1-й батареей ночевал в занятых Выселках. Две роты «корниловцев» отошли к своему полку на хутор Казаче-Малёванный. Остальные возвратились в Журавскую.

6.6. Кореновская

Согласно добытым сведениям, в Кореновскую, от которой до Екатеринодара по прямой было не более 70 километров, большевики стянули до 10 тысяч бойцов с многочисленной артиллерией и двумя блиндированными поездами. Командовал отрядами сам Сорокин²⁶⁴. Его войска задержались в городе на два дня и сразу же выступили навстречу добровольцам. И вновь ядром группировки был Выселковский полк.

На рассвете 4(17) марта Армия двинулась на Кореновскую. Основные силы шли от Журавской по грунтовой дороге, имея в арьергарде Юнкерский батальон. Уступом влево вдоль полотна железной дороги продвигались «марковцы». Впереди – Офицерский полк с 1-й батареей, замыкала колонну Техническая рота²⁶⁵. В Выселках задержалась полковая подрывная команда, которая перед уходом испортила на станции и в непосредственной от неё близости железнодорожные пути, подорвала мосты и стрелки, на время обезопасив Армию со стороны Тихорецкой.

От Выселок промчался на коне Марков. Поздоровался с Технической ротой и, сбавив шаг, некоторое время проезжал рядом с колонной:

²⁶⁴ Через несколько дней по занятии Екатеринодара, в городе состоялось так называемое «собрание делегатов воинских частей», призванное упорядочить структуру управления советских войск. Делегаты утвердили Автономова в качестве начальника всеми отрядами Красной гвардии. Его помощником (заместителем) был избран Сорокин. Посуществу, была подтверждена та иерархия, которая де-факто успела уже сложиться и так.

²⁶⁵ По замыслу Корнилова колонна Маркова должна была обойти правый фланг противника и этим решить участь боя за Кореновскую.

– Вы у меня и инженеры, и пехота, закалённые в боях, – подбадривал он привыкающих постепенно к строю техников и «деповских». – Вы хороший кадр для новых формирований. Будем надеяться, что, в конце концов, мы разобьём большевиков.

И тут же спросил у полковника Банина:

– Я не вижу полковника Уральского войска?

Командир роты доложил, что полковник устал и следует в обозе.

– Мы все устали, – ответил Марков. – На следующий раз передайте полковнику, чтобы он поборол свою усталость и был бы в строю вместе с другими. Обоз нашей маленькой армии, это раненые и больные. У нас не хватит сил, чтобы защищать здоровый элемент, если таковой будет находиться в обозе.

Высказав всё это, Марков пришпорил коня и поскакал дальше. Впереди продвигалось несколько телег с ротным имуществом и санитарных подвод. На одной из них рядом с сестрой милосердия ехал и пожилой офицер. Увидев приближавшегося Маркова, он тут же слез с телеги и пошёл рядом. Марков остановился, первым поприветствовал и попросил сесть обратно на подводу.

Подобные эпизоды как нельзя лучше характеризуют Маркова. Как на марше, так и в бою он руководствовался исключительно здравым смыслом и той высшей армейской справедливостью, которая вызывает уважение и даже любовь к начальнику у подчинённых. Простые, понятные решения принимались им легко и естественно, без раздумий и колебаний. При этом Маркову не требовалось входить в образ и прилагать усилия. Он неизменно оставался самим собой и верным самому себе. И даже эпизоды, в которых генерала заносило, те скабрезные шутки, которые он отпускал зачастую не к месту и не ко времени, как-то не портили общего впечатления. Стержень, который составлял основу его характера, в сути своей наиболее полно соответствовал духу Добровольческой армии, пошедшей, как и он, неведомо куда, «за синей птицей» и обретающей надежду её отыскать...

У хутора Казаче-Малёваного ведомая Марковым колонна

пересекла железнодорожные пути и далее следовала слева от полотна. Замысел был прост. Основные силы должны были ударить с фронта, «марковцы» – обойти станицу слева.

К 11 часам добровольцы подходили уже к Кореновской. Из-за малочисленности кавалерии и неудовлетворительного состояния конского состава разъезды не рисковали удаляться от пехоты. Расположение советских отрядов до самого подхода к станице выявлено не было. И когда шедший впереди Юнкерский батальон приблизился к Кореновской на расстояние до двух километров, он был неожиданно обстрелян. Выяснилось, что большевики вырыли перед станицей окопы и успели укрепиться.

Юнкера, как на учении, развернулись жиденькой цепью и пошли вперёд. Левее их разворачивался Корниловский полк, которому была отведена полоса наступления от железной дороги исключительно до собственно станицы Кореновской вплоть до дороги на Журавскую. В резерве оставался прикрывавший обоз Партизанский полк с Чехословацким батальоном и 4-й батареей полковника А.Н. Третьякова.

Быстрое продвижение Юнкерского батальона сыграло с добровольцами злую шутку. Правый фланг Корниловского полка, седлавший дорогу, пытался не отставать от юнкеров. Центр и левофланговые подразделения невольно следовали уступом влево. Перед Кореновской располагался пологий бугор, скрывавший до поры станицу и станцию. В результате, когда Юнкерский батальон, войдя в зону видимости, начал спускаться к Кореновской, он какое-то время оставался перед окопами противника в одиночестве. Принял на себя весь сосредоточенный ружейно-пулемётный и артиллерийский огонь противника и вынужден был залечь.

Подходившие разновремененно подразделения правого фланга Корниловского полка положения изменить не могли. Видя их расстройство и замешательство, из станицы вышли плотные массы пехоты, и, развернувшись в густые цепи, перешли в контратаку. И добровольцы, наблюдая многократное превосходство противника, начали отходить.

«Подтянув свои части к обозу, – пишет Богаевский, – я спокойно наблюдал за ходом боя, думая, что, судя по началу, мне, как и под *Лезжанкой*, едва ли придётся принять в нём участие.

Однако к своему удивлению, я неожиданно увидел, что юнкера и корниловцы начинают отходить... *Это было в первый раз за поход...* За ними беспорядочной толпой шли большевики с криками и стрельбой. Артиллерийский огонь стал ураганным.

Наступал критический момент боя...»

Это понимал и Корнилов, находившийся в расположении своего полка. Едва обозначился отход всего правого фланга, Командующий приказал Богаевскому незамедлительно выдвигаться, обойти справа отступающих юнкеров и всеми силами наступать на Кореновскую с запада. Едва Партизанский полк покинул ставший лагерем обоз, в тылу были замечены приближавшиеся группы вооруженных людей²⁶⁶. Встревоженный генерал Эльснер просил у Корнилова хоть что-то для прикрытия, на что получил приказ защищаться своими силами²⁶⁷.

Отходившие юнкера и правый фланг «корниловцев» вышли на линию центра и левого фланга и стали. Попытки остановить отступающих предпринимались тут и там, как командирами, так и строевыми офицерами. Впрочем, все и сами понимали, что отступать некуда. Если Армия была бы опрокинута, это привело бы к немедленной её гибели. Едва добровольцы отошли за бугор, артиллерия противника, не наблюдая цели, ослабила огонь. Но главное, настроение переменилось. Пришло ожесточение. Увлекая за собой остальных, более решительные группами и по одиночке уже шли вперёд. Навстречу. Вся цепь выровнялась и вновь наступала на Кореновскую. Даже отбе-

---

²⁶⁶ Это были две сотни, выделенные в помощь Добровольческой армии станцией Брюховецкой. Подойдя к Кореновской в разгар боя, они заняли выжидательную позицию.

²⁶⁷ «Передайте Эльснеру, что у него есть два пулемёта и много здоровых людей, – говорил Корнилов посыльному офицеру конвоя. – Этого вполне достаточно. Пусть защищаются сами. Я ничего дать им не могу».

Обоз выстроил вагенбург, и рассыпал впереди телег жидкую цепь легкораненых.

жавшие на сто, на двести метров к обозу, спешили присоединиться к своим²⁶⁸.

Корниловский полк вместе с Юнкерским батальоном на правом фланге продвигались вперёд, полные решимости ударить в штыки. Ещё правее развернулся для атаки Партизанский полк. Партизаны шли, как и всегда, не ложась, с винтовками наперевес и быстро продвигались к станице. 4-я батарея раз за разом занимала позиции в боевых порядках пехоты, давала несколько выстрелов и тут же снималась, догоняя ушедшие вперёд цепи.

На левом фланге вышел, наконец, на линию «корниловцев» Офицерский полк.

1-я и 2-я роты выдвинулись вперёд. При этом 1-я рота своим правым флангом упиралась в полотно железной дороги, 2-я разворачивалась левее. 3-я рота шла уступом влево, Техническая продвигалась во второй линии по обе стороны от железной дороги. 4-я оставалась в армейском резерве, вправо от железнодорожного полотна.

Продвинувшись вперёд, добровольцы увидели вдалеке за рекой²⁶⁹ станцию Станичную, а перед собой – вырытые окопы, которые уходили далеко влево от открытого фланга 2-й роты. Об охвате правого фланга противника не могло быть и речи.

Правее, у Кореновской шёл бой. Завязался он и в полосе наступления Офицерского полка. Передовые роты попали под артиллерийский огонь ставшего перед мостом советского бронепоезда. При необходимости он выезжал вперёд, давал несколько выстрелов и тут же отходил, умело прикрываясь склонами железнодорожной выемки. Его огонь накрывал не только 1-ю и 2-ю роты, постреливал бронепоезд и во фланг вновь перешедшего в наступление Корниловского полка, а также пытался накрыть выделяющиеся на местности цели. Генерал Марков вскарабкался было для обзора на крышу железнодорожной будки, но тут же с неё соскочил из-за близкого разрыва.

²⁶⁸ Принято считать, что исход боя решило обходное движение Офицерского полка. Но, думается, это не совсем так. Перелом обеспечила одновременная атака с фронта и флангов и решительные действия всех подразделений Армии. Во всяком случае, «корниловцы» перестали отходить вне зависимости от флангового движения «марковцев».

²⁶⁹ Река Бейсужёк Левый, приток реки Бейсуг.

1-я батарея, едва став у одного из холмов, вынуждена была взяться на передки, так как бронепоезд сосредоточил на ней огонь своих орудий. Батарея отошла на новую позицию. Теперь бронепоезд не мог достать её из выемки, а едва попытался вновь выйти вперёд, Миончинский серией разрывов у самого полотна заставил его отступить обратно.

Было около полудня, когда роты приблизились к окопам противника на расстояние не выше тысячи двухсот шагов. Несмотря на то, что большевики из окопов открыли по ним сильный ружейно-пулемётный огонь, добровольцы были полны решимости атаковать. Однако последовала команда остановиться и залечь, так как противник, накопившись, стал выдвигаться для атаки открытого фланга 2-й роты.

Марков подскакал к отставшим от роты пулемётчикам, тянувшим к цепи «Максим» и коробки с лентами.

– Вот высота! – выкрикнул он, указывая на бугор, расположенный шагах в восьмистах влево. – Кто первый её займёт, одержит успех!

Четверо пулемётчиков 2-й роты совершили подвиг, какие совершались в те дни тут и там, как с той, так и с другой стороны неизвестными героями внутреннего фронта. Они сумели первыми достичь высоты и успели открыть огонь в упор по подходившему к бугру отряду матросов, не менее чем в 100 штыков. Не расстреляв и ленты, пулемёт замолк. Однако противник, понеся у высоты чувствительные потери и не допуская ничтожной численности случайного заслона, поспешил отойти к своим окопам. Когда 3-я рота, выдвинутая Марковым для отражения флангового удара, достигла бугра, один пулемётчик был убит, двое, находившихся в бессознательном состоянии, ранены.

В это же время большевики попытались атаковать Офицерский полк и с фронта. Густые их цепи устремились вперёд, но, встреченные правильным огнём офицерских рот, также понесли серьёзные потери. Наиболее решительные пехотинцы остановились в двухстах пятидесяти шагах перед цепью добровольцев, и после минутного колебания вынуждены были отступить. Их не преследовали, так как участь боя далеко ещё не была решена.

По другую сторону железнодорожного полотна большевики также вышли из окопов и атаковали Корниловский полк. Их цепь, не замечая за насыпью железнодорожного полотна «марковцев», вышла на линию 1-й роты и могла угрожать её флангу. Находившийся с ротой полковник Тимановский приказал её командиру подполковнику Плохинскому при содействии Технической роты немедленно атаковать противника во фланг. 50 офицеров 1-й роты ударили столь быстро и решительно²⁷⁰, что не только мгновенно смяли и обратили в бегство весь правый фланг большевиков, но на короткое время даже заняли их окопы. Тут они попали под артиллерийский обстрел советского бронепоезда слева и ружейный справа и отступили. Их порыв и короткий штыковой удар хотя и не привёл к немедленному перелому, всё же в какой-то мере способствовал тому, что Корниловский полк привёл себя в порядок и был готов контратаковать.

1-я рота седлала теперь железную дорогу. Справа от неё были «корниловцы» и Студенческий батальон. Слева – 1-я и 3-я роты, и ещё левее – прикрывающий фланг кавалерийский дивизион. В затылок ей на удалении в восемьсот шагов стояла обстреливаемая изредка красным бронепоездом Техническая рота. На бугре, чуть правее её Миончинский выставил свой наблюдательный пункт. Орудие 1-й батареи штабс-капитана Шперлинга не позволяло бронепоезду выскочить из выемки, второе, поручика Казанли, находилось в готовности начать обстрел окопов противника.

Положение на всём фронте стабилизировалось. Добровольцы отбили контратакующих большевиков, *удержались*, но наступление Армии было Корниловым остановлено. Сам он с конвоем и неизменным трёхцветным знаменем прискакал к Маркову. Оба генерала встретились на наблюдательном пункте 1-й батареи, прикрываемом рассыпавшимся впереди пешим взводом и батарейным пулемётом поручика Гагемана. Выяснив обстановку на левом фланге и убедившись, что все меры по его обеспечению приняты, Командующий обронил:

– Кажется, придётся нам здесь заночевать, Сергей Леонидович.

---

²⁷⁰ Всё произошло так быстро, что Техническая рота не успела даже выдвинуться для их поддержки.

– Ночевать не будем... – ответил ему Марков и как-то обо-сновал свою уверенность. Никто, кроме Корнилова слов его, за-глушаемых разрывами снарядов, не услышал.

Они обменялись ещё несколькими фразами, после чего Корнилов, сопровождаемый конвоем, проследовал на правый фланг Армии. Марков вызвал к себе Тимановского, командиров Технической роты²⁷¹ и 1-й батареи и определил им задачи на предстоящую атаку. В роты его распоряжения повезли ординарцы. Сам генерал направился к передовым цепям своего полка. В этот момент советский бронепоезд выпустил несколько снарядов, по всей видимости, по скоплению людей у холма. Словно ускользая от ложившихся один за другим разрывов, Марков побежал к железной дороге и нырнул в бетонную трубу под полотном. Тут же находились и несколько офицеров, кото-рые никак не ожидали прибытия своего командира и как один примолкли, ожидая порицания за столь нелюбимую генералом излишнюю осторожность. Однако неизбежного в другой ситу-ации разноса не последовало. Марков, будто оправдываясь, по-яснил, что и сам вынужден был укрыться от обстрела. Сообщил, что скоро – атака, которая, возможно, окончится боями на ули-цах станицы. И уже уходя, добавил, меняя тему, что политика Армии – защита блага Родины, и что проводить её следует бы-стро, решительно и целесообразно.

Вскоре генерал был уже среди офицеров 1-й роты.

– Жарко? – спросил он ближайших тем бодрым, полным ве-сёлости голосом, который всегда почти предшествовал у него серьёзному бою.

– Жара, Ваше превосходительство. Патронов нет...

– Вот нашли, чем утешить! – усмехнулся Марков. – В обозе их также нет. По сколько?..

– Десять... Пятнадцать... Двадцать... – отвечали офицеры вразнобой.

– Ну, это ещё не плохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже.

²⁷¹ Техническая рота выдвигалась вперёд и разворачивалась правее же-лезной дороги. Впоследствии она атаковала, соприкасаясь с «корниловцами» своим правым флангом и продвигаясь к восточной окраине Кореновской.

Пока шла подготовка к атаке, бронепоезд всё постреливал из прикрывавшей его выемки. Марков приказал «принять меры». Команда подрывников-добровольцев подобралась к полотну и подорвала пути. Теперь бронепоезд не мог уже выехать из выемки. Однако дорога назад, к мосту, оставалась для него открытой, и при атаке под обстрелом орудий и пулемётов бронепоезда неизбежно оказывались добровольческие цепи как слева, так и справа от железнодорожного полотна.

Уже перед самой атакой отделение поручика Якушева, выделенное из состава 1-й роты Офицерского полка, подобралось по кустам к склону выемки, и офицеры забросали бронепоезд ручными гранатами. Таким способом нанести большой урон они вряд ли могли, но бронепоезд всё же отошёл к мосту. К этому времени «корниловцы» уже атаквали. И хотя основная масса шла далеко в стороне от железной дороги, бронепоезд, едва оставив выемку, тут же начал постреливать из орудий и пулемётов им во фланг. Но и сам, лишившись укрытия, тут же был обстрелян орудием 1-й батареи.

От левофланговой 3-й роты Корниловского полка для противодействия бронепоезду было выделено отделение, командир которого, не видя иного выхода, принял решение – вперёд! Жиденькая цепь из десятка добровольцев атаковала бронепоезд с фланга и отчасти с тыла. Сам он отошёл к мосту и стал на высокой насыпи. Рельеф же местности понижался на этом участке к железнодорожному полотну. Поэтому несколько снарядов выпущенных по наступающему отделению «корниловцев» разорвались над их головами, либо далеко позади.

Не столько под воздействием атаки, сколько оказавшись под обстрелом, бронепоезд прекратил огонь и стал маневрировать вдоль железнодорожного полотна. Шрапнель разрывалась в непосредственной близости от путей. Командир бронепоезда, опасаясь быть отрезанным, принял решение отойти²⁷².

Фланговый огонь прекратился, и тут же, ровно в 15 часов, услышав, что правый фланг и центр Армии уже возобновил наступление, Марков подал сигнал к атаке. По левую сторону по-

---

²⁷² Этим он спас экипаж от гибели, а бронепоезд от захвата. Едва состав ушёл за реку, снаряд разорвался непосредственно на мосту, повредив полотно.

лотна офицерские роты поднялись и устремились вперёд. На встречу им от окопов шли густые цепи большевиков. Противники молча и без выстрела сближались, готовые решить всё в штыковом бою. Но тут выдвинувшиеся почти к мосту офицеры поручика Яковлева открыли огонь во фланг защитников Кореновской. Солдаты посчитали, что цепь их охвачена, а Кореновская уже взята. Весь левый фланг её смешался и подался назад. От решимости не осталось и следа, стрелков охватила паника. Они повернули назад и побежали. Проскочив, не задерживаясь, свои окопы, солдаты спешили перейти вброд речку²⁷³. На том берегу часть их устремилась к ст. Станичной, большинство же уходило влево, к рощице.

Едва бронепоезд отошёл к станции, отделение поручика Яковлева и два пулемёта первой роты, не мешкая, прошли по мосту. Туда же устремилось и отделение «корниловцев». «Железнодорожный мост был важным объектом нашего общего внимания, – пишет Левитов. – А потому, не обращая внимания, в чей участок он был включён, все мы нацелились на него. Бронепоезд быстро отскочил назад на километр, остановился и стал бить по мосту гранатами, но, несмотря на это часть нашего отделения и пулемёт перескочили мост. В это время вправо наши уже переходили реку, красные отступали, и пулемёту открылось широкое поле деятельности бить противника во фланг. Бронепоезд это учёл и усилил свой огонь по мосту с продвижением на нас. Один пулемётчик был тяжело ранен, и около него произошло замешательство, а мы, что было сил, отскочили через мост, чтобы укрыться от огня...»

Мост в данном конкретном бою не являлся ключевым объектом, так как речку перед станицей легко было перейти на всём её протяжении, а подвижного железнодорожного состава Добровольческая армия не имела. Тем не менее, активные действия двух отделений и понесённые жертвы не пропали даром. Они отвлекли внимание экипажа советского бронепоезда от наступавших справа и слева от полотна добровольческих цепей.

²⁷³ Река Бейсужёк представляла собой цепь заболоченных озерец, соединённых неширокими протоками. Перейти её было несложно как вброд, так и по устроенным гатям.

«Корниловцы» пошли в атаку раньше «марковцев». Вслед за отступающими солдатами они перешли вброд реку и вместе с юнкерами ворвались на восточную окраину станицы. Здесь они вынуждены были преодолевать ожесточённое сопротивление защитников Кореновской, постепенно очищая одну улицу за другой. Обойдя станицу, с запада наступал Партизанский полк. И хотя на этот раз фланг советских войск был прикрыт, одновременное наступление на разных участках по сходящимся направлениям поколебала их стойкость. Кореновская была взята.

Однако едва добровольцы к 16 часам вышли на южную окраину станицы, им навстречу стала выдвигаться густая колонна красновардейцев. Это подходило запоздавшее подкрепление. Не разобравшись в обстановке, приняв офицерские цепи за отступающих своих, командиры вели людей в абсолютной уверенности, что им ничего не угрожает. Добровольцы, не раздумывая, пошли в штыковую атаку. Среди солдат возникло замешательство. Передние, по всей видимости, собирались сдать. Некоторые даже воткнули винтовки штыком в землю. Но тут на них с шашками наголо поскакал конвой Богаевского и офицеры штаба Партизанского полка. Всего конных партизан было до 20 сабель, в колонне же – несколько сот человек. Пехотинцы тут же вскинули винтовки и дали недружный залп. После этого сдаваться никто уже не собирался. Солдаты, рассыпавшись по степи, отступили к ближайшему лесу.

Часть «корниловцев» и юнкеров стала выдвигаться к железной дороге, и лишь тогда советский бронепоезд, экипаж которого ни на минуту не выходил из боя, делая всё возможное, чтобы поддержать свою пехоту, ушёл за станцию.

К этому времени развернул наступление и Офицерский полк. 1-я и 2-я роты, преследуя отступавших к леску солдат, уклонились влево. Техническая же рота, наступавшая справа от железной дороги, взяла правее и одновременно с «корниловцами» ворвалась в Кореновскую с юга²⁷⁴. Между ней и 1-й ротой образовался значительный разрыв, который не был ис-

---

²⁷⁴ Позже туда же подошёл и резерв Армии – 4-я рота Офицерского полка под командованием подполковника Тимановского.

пользован большевиками лишь ввиду их общего отступления по всему фронту. Тем не менее, Марков сразу же переместил 3-ю роту с левого фланга на правый и направил её непосредственно к станции.

1-я батарея со старой позиции поддерживала атаку Офицерского полка, чем в немалой степени способствовала её успеху. Орудие Шперлинга обстреливало станцию и маневрировавший советский бронепоезд, орудие Казанли – окопы противника. На станции в это время стоял под парами готовый отойти эшелон. В результате прямого попадания гранаты разомкнулась сцепка паровоза и ближайшего к нему вагона. Машинист, не решившийся под обстрелом исправить повреждение, поспешил увести паровоз со станции. В результате несколько вагонов с имуществом и боеприпасами достались впоследствии добровольцам.

Направленный во фланг и тыл советским войскам конный дивизион полковника Глазенапа ввиду своей малочисленности ограничился лишь демонстрацией охвата и вскоре вынужден был отойти к Кореновской.

Потерпев поражение и отступив на флангах, в центре большевики серьёзного сопротивления уже не оказали. Но едва «марковцы» заняли станцию и начали осматривать оставленное имущество, из леска перед ней вышли солдатские цепи и, поддерживаемые своим бронепоездом, попытались её отбить. Добровольцы 3-й роты, не имея взрывчатки для подрыва полотна, набросали на пути перед станцией попавшиеся под руку шпалы и брёвна, а сами встретили наступающих ружейно-пулётным огнём из-за укрытий и из станционных построек.

Эта атака, имеющая целью отбить к ночи станцию, свидетельствовала как о решимости и стойкости советского командования, так и об известной дисциплине. Отходившие расстроенные солдатские массы останавливались, приводились в порядок и вновь направлялись на линию огня. И всё же, несмотря на сохранявшееся значительное численное превосходство, предпринимаемые на разных участках попытки контратаковать неизбежно выливались в неподготовленные изолированные дей-

ствия и были обречены на провал. Да и порыв, безусловно проявленный солдатами днём, к вечеру сходил постепенно на нет.

Едва бронепоезд пошёл впереди цепей к станции, как был обстрелян вначале двумя орудиями 1-й батареи, переправившейся вслед за своей пехотой через речку по гати. А вскоре – и 2-й батареей от занятой станицы. Несколько разрывов у полотна заставили его отступить. За ним отошла и пехота.

К 18 часам офицерский батальон Корниловского полка вышел на переезд в полутора километрах от станции, где через час, уже в сумерках, отбил последнюю в этот день атаку большевиков, поддерживаемую всё тем же героическим бронепоездом. Советские отряды, отступившие от Кореновской, в большинстве своём не рассеялись, а более-менее организованно отошли на станицу Платнировскую, где и укрепились.

Всё стихло. Выставив в охранение 4-ю роту, Офицерский полк вместе с 1-й батареей заночевали на станции Станичной. Основные силы Армии расположились в Кореновской.

Результаты боя оказались куда менее определёнными, чем это могло показаться. Станицу взяли. Советские войска были отброшены, *но не разбиты*. Численное превосходство и, главное, боеспособность они сохранили в полной мере. Потери большевиков были значительными. Одни лишь убитые исчислялись сотнями. Однако и Добровольческая армия понесла чувствительный урон. В Корниловском полку выбыло из строя свыше 140 человек, из них 35 убитыми²⁷⁵. Офицерский полк потерял 130 человек, в том числе 30 убитых. Техническая рота недосчиталась 20 человек при 7 убитых. Юнкерский батальон – до 50 человек при 8 убитых. В 1-й батарее несколько человек были ранены и один убит²⁷⁶.

В отбитом на станции эшелоне были обнаружены и розданы в батареи до 600 снарядов. Захвачены были несколько пу-

---

²⁷⁵ Снарядом с бронепоезда был убит командир 4-й роты Корниловского полка капитан Пиотровский.

²⁷⁶ Старший офицер батареи капитан Глотов был тяжело ранен в живот и скончался через несколько дней в армейском лазарете. Осколком разорвавшейся гранаты был ранен в висок штабс-капитан Шперлинг, оставшийся, тем не менее, в строю.

лемётов и большое число патронов, что позволило даже после раздачи в роты, создать их запас²⁷⁷. Оприходовано было также продовольствие и медикаменты.

Весь день 5(18) марта Армия, никем не тревожимая, отдыхала в занятой станице²⁷⁸. В Кореновской окончательно подтвердились известия об оставлении Кубанским отрядом Екатеринодара²⁷⁹. И здесь же Корнилов, поговорив с Марковым и Неженцевым²⁸⁰, принял решение отказаться от наступления на столицу Кубани.

В этом решении, безусловно, были свои резоны. Боевая часть Армии уменьшилась на 400 штыков, что составляло немалую её часть. В то же время обоз за два дня боёв за Выселки и Кореновскую увеличился из-за огромного числа раненых на 200 подвод. Все понимали, что с каждым боем он будет сковывать Армию всё в большей степени. Изменился и характер боёв. Под Выселками и в Кореновской вместо неорганизованных ополчений добровольцев встретили объединённые единым замыслом и единым командованием обученные дисциплинированные части. Преобладали солдаты-фронтовики и матросы, которые отличались стойкостью и бесстрашием. Да и Красная гвардия была уже не та. Вместо рабочих отрядов, впервые взявших в руки оружие, она в станицах формировалась из крестьян, только что пришедших с фронта, а отчасти и из фронтовых казаков.

Несмотря на подошедшие конную и пешую сотни, выделенные в помощь Армии станицей Брюховецкой, Кубанское каза-

²⁷⁷ Любопытно, что захвачены в большом количестве были также и берданочные патроны, которые на следующий день были уничтожены.

²⁷⁸ Лишь 1-я батарея стояла на позиции у станции и редкими выстрелами отгоняла подходивший временами от Платнировской бронепоезд.

²⁷⁹ «Для Добровольческой армии это был большой удар, – пишет А.П. Бугаевский. – Исчезла ясная и определённая цель, к которой мы так упорно стремились, пропала надежда на отдых и сильную поддержку верных Кубани казаков, и перед нами, после 300 вёрст похода, снова, как в первый день, стал роковой вопрос: куда же идти?.. Возвращаться назад было невысказано...»

²⁸⁰ Оба командира настаивали на том, что без отдыха продвигаться дальше невозможно. Помимо огромных потерь начинал сказываться и иной фактор. Крайняя измотанность людей, не столько даже физическая, сколько моральная.

чество в массе своей оставалось нейтральным²⁸¹. Что касается иногородних, то своих симпатий к Советской власти они даже и не скрывали. Брались за оружие и присоединялись к большевикам тысячи²⁸². И если потери добровольцев оказывались невосполнимыми, то советские отряды непрерывно получали всё новые подкрепления.

Катастрофическим было положение с боеприпасами. Имеющие подавляющее превосходство не только в численности, но и в вооружении советские войска снарядов не желали. В Армии же каждый был на счету. Лишённая базы и пунктов снабжения Добровольческая армия могла пополнить боезапас лишь захватив его в бою. Но воевать, рассчитывая лишь на это, было невозможно. На станции Станичной удалось захватить эшелон с боеприпасами, но тут помог случай. И все понимали, вероятность его повторения не столь и высока.

Продвижение к Екатеринодару по кратчайшему пути вдоль железной дороги неизбежно оборачивалось оперативным окружением. Большевики, оказавшие в Кореновской ожесточённое сопротивление, отступили к Платнировской в относительном порядке. Прорваться в Екатеринодар без боя нечего было и думать, и результат его уже не был очевиден. В тылу же оставалась мощная Тихорецкая группировка советских войск и вся железная дорога, контролируемая большевиками до Ростова и далее. Появление сильного противника в тылу оставалось лишь делом времени²⁸³.

Екатеринодар был не самоцелью, а лишь звеном в цепи необходимых действий для достижения главного. К городу шли

---

²⁸¹ Корнилов вновь выступал на митинге. Казаки слушали, казалось, даже с одобрением. Но к Армии присоединились единицы.

²⁸² В Кореновской организацией вооружённого отряда занимался Совет, образовавшийся ещё 16 января 1918 г. Устойчивость обороны станицы очевидцы связывали, в том числе и с преобладанием иногороднего населения. Советские войска, по сути, воевали на своей территории.

²⁸³ Пассивность Тихорецкой граничила, конечно, с преступлением. Если бы советские войска вновь, как и при занятии ими Выселок, проявили инициативу, продвинулись от Тихорецкого узла и в разгар боя под Кореновской нанесли удар добровольцам в спину, поражение Добровольческой армии, по всей видимости, было бы неизбежным.

в надежде найти новую базу, которая позволила бы отдохнуть, соединиться с последним остающимся ещё союзником, пополнить свои ряды и искать новые шансы. И прежде всего переломить настроения Кубанского казачества, без которого рассчитывать на успех в создавшихся условиях не приходилось.

За решение Корнилова свернуть в сторону от железнодорожного полотна и, перейдя Кубань, отсидеться в горных аулах, как предполагалось, «не тронутых ещё большевизмом», высказалось большинство высших начальников. Возражали лишь Деникин с Романовским. И доводы их также не были лишены основания. «Мне представлялось необходимым, – пишет Деникин, – продолжать выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, тем более, что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собою политическое его падение... В штабе узнал, что готовится приказ о повороте на юг, за Кубань. Поговорил с Иваном Павловичем²⁸⁴, который разделял мое мнение, и вместе с ним пошли к командующему...

– Я с вами согласен, – ответил им Корнилов. – Но вы говорили с Марковым и Неженцевым?.. Они были сегодня у меня с докладом о состоянии полков²⁸⁵... Если бы Екатеринодар держался, тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там, в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах отдохнём, устроимся и выйдем более благоприятных обстоятельств.

Спор наш не привёл ни к чему...»

Корнилов часто представляется человеком жёстким, неуступчивым и не склонным к компромиссу. Однако принятое решение повернуть от Кореновской на Усть-Лабинскую харак-

---

²⁸⁴ С Романовским.

²⁸⁵ Командиры полков ввиду чувствительной убыли и крайнего переутомления, физического и, прежде всего, морального, настаивали на том, чтобы предоставить людям хотя бы кратковременный отдых. И, следовательно, выступали за то, чтобы повременить с наступлением на Екатеринодар вдоль железной дороги от Кореновской.

теризует его в ином свете. Вне всякого сомнения, продиктовано оно было заботой Командующего как о раненых, так и о людях, пошедших за ним и доверивших ему свои жизни. Едва лишь ситуация изменилась и перспектива разгрома и гибели всех без остатка стала реальной, Корнилов изменил первоначальный план.

Так или иначе, но после суточного отдыха в Кореновский вечером 5(18) марта все части стянулись к станции, выстроились в колонну и та, перейдя у переезда железнодорожные пути, повернула на юго-восток. Только тут добровольцы узнали, что Армия на Екатеринодар не идёт. В авангарде следовали три роты Офицерского полка, Техническая рота и 1-я батарея. В арьергарде – Партизанский полк. Около 21 часа 4-я рота Офицерского полка снялась из охранения перед станцией и стала в хвост колонны. Последней отходила от станции 3-я рота Корниловского полка. «Корниловцы» свернули охранение у переезда и в предрассветных сумерках стали нагонять ушедшую вперёд колонну.

Кореновская осталась позади...

6.7. Усть-Лабинская

Несмотря на все меры предосторожности, уйти незамеченными не удалось. Уже на рассвете один из советских конных разъездов обнаружил отход 3-й роты «корниловцев». Надо отдать должное Сорокину. Действовал он быстро и решительно. Оставленная добровольцами Кореновская сразу же была занята, а от Платнировской в преследование двинут отряд общей численностью до 500 штыков с артиллерией. 3-я рота на виду у противника рассыпалась, избегая обстрела, и вскоре присоединилась к своим. Арьергард, пропустив её через себя, прекратил движение и открыл огонь по развернувшимся для атаки цепям противника. Раз за разом Партизанский полк останавливался, отгонял от себя наседавших «сорокинцев» и продолжал следование. Большевики не отваживались пока атаковать, ограничиваясь лишь преследованием. Но их артиллерия издалека начала обстреливать добровольцев. Снаряды стали долетать уже и